

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Федор
Раззаков**

**НАШЕ
ЛУЧШЕЕ
ДЕТСТВО**

Федор Ибатович Раззаков

Наше лучшее детство

Серия «Советский век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66669710

Наше лучшее детство:
ISBN 978-5-00180-316-4

Аннотация

«Все лучшее – детям», – лозунг из Советского Союза. Он был главным украшением актовых залов, пионерских лагерей, детских учреждений, звучал в докладах государственных мужей, использовался как главный принцип в некоторых семьях. «Счастливое советское детство», – эта фраза тоже стала своего рода штампом. Так в чем же его особенность? На этот вопрос отвечает новая книга Ф. Раззакова.

Автор проследил все этапы взросления человека в Советском Союзе: от роддома до вступления в партию. Пионерские лагеря, школы в СССР, особенности жизни советских детей – все это Вы найдете в новой книге популярного писателя Ф. Раззакова. Вас ждет увлекательное путешествие во времени и пространстве. Книга подарит уникальную возможность вспомнить и пережить лучшие моменты детства советского школьника.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	5
Вышли мы все из роддома...	7
В детском саду распускаются розы...	28
Здравствуй, школа!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Федор Ибатович Раззаков

Наше лучшее детство

*Мальчишкам и девочкам, жившим в СССР,
посвящается*

© Раззаков Ф. И., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

От автора

Стараниями либеральной пропаганды на протяжении более чем двадцати лет советское прошлое преподносится как одно сплошное преступление перед человечеством. Столь тотальная обработка сознания должна была дать свои плоды – ядовитые. Но вышло совершенно противоположное. Социологические опросы в России, проведенные в 2013 году, внезапно показали удручающую для либералов картину: лучшим правителем России был назван Леонид Ильич Брежнев – правитель СССР в 1964–1982 годах. Более того: на 2-м месте расположился И. В. Сталин, на 3-м – В. И. Ленин. Эти результаты наглядно продемонстрировали, что массовое сознание не хочет быть по-либеральному «креативным», предпочитая оставаться консервативным, и что советское прошлое вызывает у большинства людей не негативные эмоции, а положительные. Этот феномен легко объясним. После развала СССР жизнь в России (как и в большинстве бывших советских республик) не стала лучше, а даже наоборот. Отсюда и ностальгия по тем временам, когда вокруг была «тишь да гладь, да божья благодать». Именно эта ностальгия и стала побудительным мотивом к появлению данной книги. Причем ее отличие от подавляющего большинства книг на подобную тему заключается в том, что речь в ней будет идти не о «взрослом» мире, а о «детском». Эта книга о том, как

жили в эпоху СССР советские дети, которых в ту пору не случайно называли «цветами жизни».

Вышли мы все из роддома...

Приход любого человека в этот мир начинается с родильного дома (естественно, за исключением тех, кого родители рожали в домашних условиях). Согласно либеральной пропаганде, в СССР все было плохо, в том числе и ситуация в родильных домах. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу выдержки с одного такого сайта под характерным названием «Рожденные в СССР: ужасы роддомов». Вот о каких конкретно «ужасах» идет речь (приведу лишь малую их толику):

Omega14z: «...Никакой своей одежды иметь не разрешалось, белья тоже. Жуткий больничный халат на завязочках и омерзительные тапочки – вот что нам, быдлу немытому, было положено. Пациент виноват по умолчанию – в том, что отнимает у врачей и медсестер драгоценное время, которое они могли потратить с большей пользой. Еще пациент обворовывает государство и занимает место в больнице – женщина, которая рождает, виновата еще больше: во-первых, нечего тут трахаться и залетать, во-вторых, нечего тут орать и мешать персоналу, в-третьих, балованные все стали, а надо терпеть – если женщина, которая рождает, не замужем – это пипец и финиш. Такие тетки будут с ней разговаривать как с пьяной бомжихой – еды с собой брать нельзя, передач нельзя – нажрутся не пойми чего, а потом болеть будут...»

hvylya: «...В туалете стояла бутылка с марганцовкой, и это было счастье. А прокладок не было, вместо них выдавали стиранные пеленки, которые мы ныкали, ибо в день полагалось меньше необходимого. И выпросить у медсестры лишнюю было праздником. Пардон за подробности. Ну, и отношение соответственное. Хотя я лежала еще в хорошем роддоме, по благу. Мне даже книжку разрешали иметь при себе...»

perepertoz: «Из воспоминаний тещи: на ночь дохтура расхотелись, и чтобы не париться, пришедшим роженицам давали снотворное. Типа, чтобы до утра родовая деятельность «подождала». Так одна заснула, и, не приходя в сознание, рожать начала...»

janelight: «...История, прочтенная мной в советском журнале «Работница» и произведшая неизгладимое впечатление на подростковую психику. Женщина ждала желанного ребенка. Роды обещали быть легкими – да собственно такими и были, боли она почти не чувствовала до отхода вод, да и потом тоже. Поэтому, когда домой приехала «скорая», раскрытие было уже 10 см (ну, для мужиков поясну – матка раскрылась фактически настолько, что ребенок вот-вот выйдет). Вместо того чтобы уже принять роды на месте, врач везет ее в роддом – ладно, в конце концов, в роддоме вернее. Так ее посылают опять же пешком (!!!) идти своим ходом в родильное. По лестнице. Результат – ребенок просто выпал. И стал инвалидом. А должны были быть легкие роды и здо-

ровый малыш...»

bormental: «Наш первый ребенок умер из-за того, что врачи не пришли. Жена кричала, а они подходили и говорили: «Ну, это ничего, это первые роды, это фигня! Ты терпи, а не ори!» А когда переполошились, было уже поздно. Он родился мертвым – внутриутробная асфиксия. А когда измученная зареванная жена наконец-то уснула, обессиленная, то ее разбудила медсестра – ребенку надо было дать имя, для документов. Мертвому. Для этого ее разбудили и потребовали назвать мертвого ребенка. Я когда это и сейчас вспоминаю, во мне все переворачивается. 1975 год, Свердловск...»

sharikshum: «Моя мать рожала сестру в 1975-м, в Москве. Ее рассказ не забуду никогда. Для начала раздели догола и побрили ржавой бритвой, простыней на кроватях не было, одни клеенки, еды не давали сутки, и она умолила няньку принести ей сахар из абортария, боялась, что не хватит сил, рожала 12 часов, врач подошел два раза, врачи и няньки там подбираются специальные, как надсмотрщицы в концлагере, садистки просто. «Страшнее ничего в жизни не помню, как собака в средние века» – ее чувство...»

Самое интересное, что все эти ужасы вполне могли иметь место – то есть они, скорее всего, подлинные. Однако сваленные в одну кучу (да еще в огромном количестве), они преследуют одну конкретную цель – явить миру жуткую картину нравов, царивших в советских роддомах. А как же объективность? Где рядом с этими жуткими рассказами другие

воспоминания – с положительными примерами и оценками? Ведь если в советских роддомах была такая обстановка, как получалось, что рождаемость в СССР считалась одной из самых высоких в мире, а смертность одной из самых низких? Например, лично я родился на исходе хрущевской эпохи – в феврале 1962 года. Согласно статистике, в те годы на 1000 рожденных в Советском Союзе (а это 15 республик) умирало 35 детей. В социалистических странах детская смертность, по данным ООН, составляла (на 1 000 родившихся): ГДР – 20,4 умерших, Чехословакия – 22,9, Болгария – 30,5, Польша – 34,3, Венгрия – 35,6, Румыния – 54,9.

Отметим, что в отличие от СССР, в некоторых капиталистических странах детей, умерших до регистрации рождения, учитывали как мертворожденных; поэтому показатель детской смертности в этих странах не соответствовал действительности, являлся заниженным.

А теперь обратимся к мнению специалистов. Вот что, к примеру, пишет ученый-демограф А. Авдеев в своем исследовании «Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР» (приведу лишь некоторые отрывки из этого исследования):

«Младенческая смертность в России до сих пор остается одной из самых высоких в Европе. По величине коэффициента младенческой смертности, составившего в 2006 году 10,2 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся, Россия примыкает к Азербайджану (коэффициент 10,1), Болга-

рии (9,7), Украине (9,6) и Черногории (11,0). Более высокие показатели отмечаются только в Македонии (11,5), Молдавии (11,8), Румынии (13,9), Армении (13,9) и Грузии (15,8). Нетрудно заметить, что все перечисленные страны в недавнем прошлом были частью «социалистического лагеря» или непосредственно входили в состав СССР.

Таким образом, в начале XXI века Россия по уровню младенческой смертности занимает среди европейских стран примерно то же положение, что и 100 лет назад. Тем не менее, ответ на вопрос, почему сегодня младенческая смертность в России почти в 3 раза выше, чем в странах Западной Европы, следует искать в истории последних трех-четырёх десятилетий. Действительно, хотя в XIX и до середины XX столетия младенческая смертность в России (и в СССР) была одной из самых высоких на европейском континенте, в 1940-1950-е годы она снижалась невиданными ранее темпами. В итоге в начале 1960-х годов по уровню младенческой смертности Россия немногим отличалась от большинства стран Западной Европы. Затем снижение младенческой смертности в России замедляется самым существенным образом, и в 1970-х годах она уже входит в группу аутсайдеров, вместе со странами Южной Европы (Испанией, Грецией и Италией). Но если в последних уровень младенческой смертности с тех пор снизился более чем в три раза, то в России он остался практически неизменным (вы-

делено мной.. – Ф. Р.)...

Быстрый рост доступности квалифицированного родовспоможения, замедлившийся во время войны 1941-1945 годов, вновь ускорился в 1950-х годах и достиг пика к началу 1960-х годов, когда большинство родов, как в городах, так и в сельской местности происходило в родильных домах...

Со второй половины 1930-х годов и особенно в конце 1940-х и в 1950-х годах, система наполняется реальными ресурсами; в этот период ее эффективность в деле снижения младенческой смертности была очень велика. Именно благодаря этой развитой и хорошо организованной системе внедрение во врачебную практику сульфамидных препаратов, бактериофагов и антибиотиков произошло весьма быстро и привело к существенному увеличению выживаемости детей, начиная с конца 1940-х годов...

К концу 1960-х годов потенциал фактора, который можно условно назвать прямым медицинским обслуживанием и на эксплуатацию которого и была в основном рассчитана советская система здравоохранения, оказался в основном исчерпанным. Трудно сказать, можно ли назвать это положение кризисом советской системы здравоохранения, но правдоподобным кажется то, что **она достигла предела своей эффективности.** Возможности влияния на новые определяющие факторы младенческой смертности, такие, как образ жизни или экологическая ситуация, были весьма ограничены. Этим, видимо, и обусловлено начало стагнации уров-

ня младенческой смертности в СССР...

В начале 1960-х годов скорость экстенсивного развития родовспоможения замедлилась в Европейской части, но продолжала оставаться довольно высокой в Средней Азии. При этом надо иметь в виду, что если в Европейской части СССР уровень рождаемости в 1960-е годы начал резко понижаться, **то в республиках Средней Азии он не только продолжал оставаться высоким, но и даже проявлял тенденцию к росту** (выделено мной. – Ф. Р.). Поэтому нагрузка на одну врачебную и акушерскую койку для беременных и рожениц в Средней Азии была значительно выше, чем в Европейской части СССР.

Влияние развития системы медицинской помощи женщинам и детям на уровень младенческой смертности в Средней Азии – более сложный вопрос, чем это кажется на первый взгляд, и требует дополнительных исследований. Действительно, с конца 1950-х – начала 1960-х годов и до конца 1980-х коэффициент младенческой смертности **заметно увеличивался в Таджикистане, Туркмении и Узбекистане** (выделено мной. – Ф. Р.). Этот рост можно частично отнести к улучшению статистического учета рождений и смертей, в чем развитие системы здравоохранения сыграло немаловажную роль. Повышение рождаемости, наблюдавшееся в то время в среднеазиатских республиках, также могло быть фактором повышения младенческой смертности при прочих равных условиях. Незученным остается и вли-

яние на младенческую смертность практики планирования семьи, которая начала распространяться в коренном населении среднеазиатских республик в 1960-80-е годы. Как известно, при относительно высокой рождаемости планирование семьи не обязательно ведет к понижению младенческой смертности.

Вероятно, если бы не развитие системы здравоохранения в Средней Азии в 1960-е – 1980-е годы, повышение младенческой смертности в этом регионе было бы намного более выраженным. Хотя конкретной статистической проверки такого рода гипотезы, кажется, никогда проведено не было, мы можем строить такие предположения лишь на основании того факта, что снижение младенческой смертности в Средней Азии было более быстрым, чем снижение рождаемости...

Отношение официальной идеологии к проблеме младенческой смертности в СССР после второй Мировой войны выглядит амбивалентным. С одной стороны, **здесь было чем гордиться, так как снижение уровня младенческой смертности в 1950-е происходило очень быстрыми темпами** (выделено мной. – Ф. Р.). В условиях холодной войны и жесткого идеологического противостояния между Востоком и Западом это могло бы послужить хорошим аргументом в пользу преимуществ социализма. С другой стороны, младенческая смертность в СССР по-прежнему оставалась более высокой, чем в развитых капиталистических странах. Таким образом, убедительность использования уровня

младенческой смертности в качестве критерия социального благополучия была сомнительна, как для советской идеологии, так и для ее западных оппонентов...

В 1972 году в СССР начинается рост показателей младенческой смертности. За четыре года, с 1973 по 1976, он составил 8,5 на 1000 новорожденных. Это послужило причиной тому, что по настоянию Министерства здравоохранения СССР в 1975 году публикация данных о младенческой смертности была прекращена... С 1976 года коэффициент младенческой смертности в СССР вновь начал уменьшаться...

Первым привлекли внимание к росту младенческой смертности в СССР Davis and Feshbach³⁴. Они усмотрели причины роста младенческой смертности в сложном комплексе перемен, **связанных с модернизацией, в частности, с загрязнением окружающей среды, изменением материнского поведения и практики грудного вскармливания, а также с достижением предела эффективности экстенсивного (больше врачей, больше коек) развития системы здравоохранения** (выделено мной. – Ф. Р.). Гипотезы о том, что рост коэффициента младенческой смертности мог быть вызван улучшением статистического учета или структурными изменениями рождаемости, были этими авторами отвергнуты в достаточно решительных терминах.

Противоположная точка зрения была высказана Jones

and Grupp³⁵, которые, напротив, считали, что значительная часть роста младенческой смертности в СССР обусловлена улучшением статистического учета, особенно в «южной трети СССР».

Несколько позднее M.Field³⁶, разбирая высказанные гипотезы, указал, что, хотя улучшение регистрации, вероятно, имело место, им можно объяснить от одной трети до половины прироста коэффициента младенческой смертности. Следовательно, от половины до двух третей его прироста приходится отнести на реальное повышение смертности младенцев, причем не только в «южной трети» СССР. В качестве возможной причины реального повышения младенческой смертности **в начале 1970-х годов он указал эпидемии, вызванные новыми штаммами гриппа, к профилактике которых советская медицина оказалась неподготовленной.** Отметим, что, говоря о явлениях, которые, по его мнению, должны быть исследованы в первую очередь для выяснения причин повышения младенческой смертности в СССР, он, кажется, впервые, обращает внимание на состояние здоровья поколений, рожденных во время войны, на застой в советской экономике и усиление социальной стратификации населения в СССР.

Более решительно точка зрения, согласно которой рост младенческой смертности в СССР является в значительной мере статистическим артефактом и обусловлен улучшением полноты учета, была высказана Anderson и Silver³⁷. Как из-

вестно, используемое в СССР определение живорождения отличается от рекомендованного Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ). По мнению авторов, из-за разницы в определениях показатель младенческой смертности очень чувствителен к малейшим улучшениям системы регистрации рождений и смертей, в особенности новорожденных с высоким риском умереть в течение первой недели жизни. Кроме того, в данной работе было указано, что если приложить к СССР определение живорождения, рекомендованного ВОЗ, то коэффициент младенческой смертности, при прочих равных условиях, увеличится на 22–25 %...»

Таким образом, несмотря на то, что ситуация в советских родильных домах была далеко не однородной (и те вопиющие случаи, которые выложены в Интернете, вполне имели место быть), однако в целом система родовспоможения в СССР находилась на достаточно высоком уровне, что позволяло стране занимать весьма высокое место в рейтинге самых передовых по части деторождения.

И еще немного статистики. Например, вот как выглядел рост числа коек-мест для беременных женщин в больницах и родильных домах в Советском Союзе в разные годы: в 1937 году – 59 791, в 1940-м – 147 100, в 1965-м – 227 000, в 1970-м – 223 800, в 1980-м – 230 400; в РСФСР – в 1937-м – 41 600, в 1940-м – 90 700, в 1965-м – 118 300, в 1970-м – 110 300, в 1980-м – 113 100; в Узбекистане – в 1937-м – 1170, в 1940-м – 2800, в 1965-м – 11 000, в 1970-м – 13

400, в 1980-м – 19 200.

Между тем с 1948 по 1989 годы в СССР отмечался постоянный естественный прирост населения – примерно на 1 % в год. Однако наибольший рост населения был в республиках Средней Азии и Закавказья; в РСФСР же суммарный коэффициент рождаемости кратковременно опускался ниже уровня простого воспроизводства поколений еще в начале 1970-х.

Начиная с 1965 года уровень рождаемости в России не обеспечивает простого воспроизводства населения. К тому времени рождаемость в РСФСР опустилась ниже уровня простого воспроизводства поколений. Число рождений на территории Российской Федерации опустилось ниже 2 млн. человек и достигло дна в 1,7 млн. человек. Если в 1950 году коэффициент рождаемости составлял 26,90, то к 1968 году он упал до 14,08. Однако в стране сохранялся естественный прирост населения благодаря низкому коэффициенту смертности, составившему в 1968 году 8,1. Новый рост рождаемости начался с 1969 года и продолжался 18 лет.

До середины 1970-х годов население России увеличивалось исключительно за счет естественного прироста, превышая число родившихся над числом умерших, затем (при сохранении темпа роста) миграционный приток населения в Россию превысил отток из нее – на фоне начавшегося в этот период падения естественного прироста. Одним из факторов, способствовавших снижению рождаемости в конце

семидесятых, был фактор общего повышения уровня жизни, грамотности и социально-гигиенической культуры населения, что было аналогично тенденциям в западноевропейских странах.

Однако закончим со статистикой и перейдем к живым фактам – то есть, событиям реальной советской жизни. Лично для меня легче всего опираться на собственный опыт, о котором мне известно со слов моих родителей. Тем более, что моя история мало чем отличается от историй рождения миллионов советских людей.

Итак, 6 февраля 1962 года отец уговорил мою беременную маму лечь в роддом, поскольку роды были уже на носу, а быть рядом с роженицей отец не мог, поскольку находился на работе. И они вдвоем отправились в ближайший от нашего места жительства в Гороховском переулке роддом № 1, что возле метро «Электрозаводская» – Гольяновская улица, 4 (сейчас это роддом № 18). Он хоть и был открыт 25 лет назад (в 1937 году), однако отвечал всем тогдашним требованиям медицины. В результате уже на следующий день, утром, моя мама благополучно разрешилась от бремени – родила на свет меня. Уже много позже, когда я вырос и стал интересоваться деталями своего появления на свет, мама никаких ужасов мне не поведала, из чего я могу сделать вывод, что таковых, видимо, и не было. А было почти то же самое, о чем поведала в Интернете некая женщина, спрятавшаяся под ником **Sirin**.

Цитирую:

«Рожала я своего первенького (да и второй раз – там же... понравилось) в небольшом городке, тыщ на двести – населения. Два роддома было. Попала – в какой попала. Третий этаж. Закрыт ото всех наглухо. Даже медперсонал из соседней гинекологии не пускали. Передачи от родственников – только в окошечко, без прямого проникновения извне. Оно и понятно. Любой ученик в средних классах общего образования знал, что такое микробы, вирусы и т. п. «насекомые». Одежда... халаты, там, сорочки, да, выдавались больничные. Красиво-некрасиво, модно-немодно, велико ли – никто не возмущался. Все было обработано и слегка пахло хлоркой, т. е. чистотой. Каждое утро нянечка, «тетя Клава» драила с хлорамином подоконники, двери, полы. Не знаю, хорошо или плохо, но этот запах стоял повсюду. По поводу стерильности – так науськали, что по выписке из роддома и сама, и родственников до-олго никого не подпускала к ребенку без маски. Да и хлораминчик так и остался в почете.

Распорядок дня был следующим: первый подъем – в шесть ноль-ноль. Ибо кормили детишек строго по часам, через каждые три. Привозили младенцев в больших таких каталках, как на картинке в музее. Раздавали каждому по штуке на руки. А кому-то – и по две (наверное, за хорошее поведение). Строго следили, чтоб на всех мамашах были маски и косынки. Попробуй не надень! После кормления своих ангелочков, мы все (шестеро в палате) с шутками и приба-

утками начинали «дойтсья». Потом – дрема часочка на полтора и второй подъем. Гимнастика в горизонтальном положении под чутким руководством дежурного медперсонала. Завтрак. Кормление. Обход. Процедуры. Ну, и т. д. по тому же сценарию.

В передачах не разрешалось передавать по вполне понятным мало-мальски образованному, окончившему хоть пять классов человеку причинам, овощи, фрукты (кроме яблок), кондитерские изделия, мучную сдобу, соленое, копченое, колбасные изделия. А вот мясные, типа котлетки-пельмешки, молочные продукты, сухофрукты, орешки – пожалуйста.

Счастливые папаши «дежурили» на улице в положенное время и ждали, когда начнется очередное кормление. И хоть с третьего этажа ничего не было видно, но важно... очень важно было показать каждому маленький белый сверточек с драгоценным содержанием внутри...»

И снова возвращаюсь к своей семейной хронике. Спустя три дня отец забрал нас с матерью из роддома и на такси привез домой – в 6-метровую комнату в коммуналке в Горюховском переулке, дом № 6 (теперь в этом доме расположилось посольство Республики Эквадор). Из-за малых габаритов комнаты в ней помещались лишь кровать, стол, пара стульев и тумбочка. А как же детская кроватка, спросит читатель? Вместо нее родители приспособили... эмалированную ванну, в которой я спал и в которой меня периодически купали. Ванну ставили на стол. По сегодняшним мер-

кам это «ужас», но тогда воспринималось вполне нормально, особенно в свете тогдашнего коммунального житья-бытья, все еще существовавшего в стране (напомню, что дело было в 1962 году, когда в Москве только началось переселение людей из коммуналок в «хрущобы», но до нашей семьи эта инициатива тогда еще не дошла).

Согласно советским законам, отпуск по беременности и родам женщинам – работницам, служащим и колхозницам, родившим одного ребенка без каких-либо осложнений, – был установлен в количестве 112 календарных дней (56 до родов и 56 после). По истечении послеродового отпуска женщине предоставлялся дополнительный отпуск без сохранения заработной платы с сохранением трудового стажа до достижения ребенком возраста одного года. Кормящим матерям и женщинам, имеющим детей в возрасте до 1 года, предоставлялись через каждые три с половиной часа работы дополнительные оплаченные перерывы для кормления ребенка. В случае заболевания ребенка мать освобождалась от работы с выплатой пособия за счет социального страхования.

Итак, почти два месяца после родов моя мама (как и миллионы других советских рожениц) постоянно находилась с новорожденным. А когда срок отпуска истек (в начале апреля) и она вышла на работу, то ребенка (то бишь, меня) она сначала оставляла дома одного (мама работала поблизости – дворником в ЖЭКе № 9, который находился в пяти мину-

тах ходьбы от нашего дома), а потом, когда потеплело, стала брать меня с собой на работу (я лежал в коляске, купленной родителями у кого-то из знакомых). Правда, спустя какое-то время коляску украли, когда мама оставила ее в подъезде нашего коммунального дома. Пришлось покупать новую коляску.

Коляски. Считается, что промышленное производство российских колясок было начато в 1949 году, когда по правительственному приказу из Германии был привезен образец немецкой коляски. Коляска была детально изучена, и по ее образу и подобию стали создавать советские модели колясок того времени. По всей стране было открыто 50 цехов для производства «детского транспорта».

В начале 60-х годов появляется новшество – прогулочная коляска нового типа: с высокой посадкой, на больших колесах, в которой уже нельзя лежать, а можно только сидеть, глубоко откинувшись. Коляски прямоугольной формы с низкой посадкой по-прежнему широко используются, но зато появляются коляски с высоким дорожным просветом.

К середине 70-х коляски уже перестали быть редкостью и стали доступны каждой семье: многие заводы наряду с военной и промышленной техникой поставили коляски на поточное производство. Один только «Дубненский машиностроительный завод» с 1953 по 1990 год выпустил 4,5 миллиона штук.

В те годы в СССР было два типа колясок – советские и

импортные немецкие (ГДР). Судя по всему, это были коляски всемирно известной немецкой компании «Цекива». В отличие от немецких, советские коляски были более громоздкими и менее удобными, но зато более дешевыми, что было весьма существенным фактором в пользу их популярности. Поэтому лично меня родители возили в коляске отечественного производства.

В 1975 году на ДМЗ «Камов» (Московская область) были созданы принципиально новые детские коляски, а в 1977 году эту модель удостоили высшей награды ВДНХ – золотой медали и государственного Знака качества. В 1979 году завод становится головным предприятием министерства и ведущим в Союзе по детским коляскам. Ему поручается проведение испытаний всех видов детских колясок, производимых пятьюдесятью двумя заводами страны.

Согласно рассказам мамы, она кормила меня грудью. Хотя в магазинах было полно различных детских питательных смесей с симпатичными карапузами на этикетках. Назывались они «Молочные смеси» и стоили копейки.

Смеси. В пятидесятые и шестидесятые годы в СССР они активно применялись при кормлении детей раннего возраста. Производились в основном в СССР. Разница с производимыми в современной капиталистической реальности весьма существенная. В чем? Во-первых, в них не было «химии», во-вторых – как уже говорилось, цены были символические, поскольку «бабки» на детях в СССР никогда не делали, это

считалось в высшей степени делом аморальным.

Питательные детские смеси – это порошкообразные продукты, полученные либо из одного крахмалсодержащего сырья, либо с добавлением сухого молока, сахара, овощных и плодовых порошков. Они применялись для кормления детей раннего возраста, в т. ч. при искусственном вскармливании ребенка.

В зависимости от входящих компонентов смеси выпускались следующих наименований: отвары – рисовый, овсяный, гречневый; молочные смеси – рис, овес, греча; молочные каши – каша манная 5 %-ная на цельном молоке, каша манная 10 %-ная на цельном молоке; молочно-мучная смесь № 1 и № 2; овоще-мучная смесь витаминизированная; рисово-молочная смесь с морковью; пшеничная мука с овощами или с тыквой, или с яблоками; рисовая мука с овощами или с тыквой, или с яблоками; гречневая мука с овощами или с тыквой, или с яблоками; толокно с овощами или с тыквой, или с яблоками.

В состав питательных детских смесей с овощами и плодовыми порошками входил сухой отвар шиповника, повышающий С-витаминную активность продуктов. Питательные детские смеси выпускались по утвержденным рецептурам.

Смеси расфасовывались в металлические банки из белой жести или в комбинированные коробки, корпуса которых были изготовлены из специального картона, а крышки и дно из белой жести. Внутренняя поверхность картонной банки

имела накат из алюминиевой лакированной фольги; в случае использования нелакированной фольги внутрь банки вставлялся пакет из пергаменты или подпергаменты, такие же пакеты вкладывались и в металлические банки. Расфасовывались смеси по 150, 250 и 300 грамм. Банки и коробки оформлялись этикетками и упаковывались в дощатые или фанерные ящики весом нетто до 24 килограмм.

Питательные детские смеси должны были удовлетворять следующим требованиям: внешний вид – порошкообразный продукт от белого до кремового цвета различных оттенков; смесь должна проходить через шелковое сито № 27 не менее чем на 95 %; содержание влаги 5,5—10,0 %; содержание сахара в смесях, в рецептуры которых не входит сухое молоко и сахар, должно быть в пределах 4–5 %, а в рецептуры которых входит сахар и сухое молоко – 17–43 %.

На этих питательных смесях выросли миллионы советских детей, в том числе и те из них, которые чуть позже станут либералами и будут воротить носы от всего советского, называя его презрительно «совком». Образчик такого либерала – рок-музыкант Андрей Макаревич, рассказ которого нас ждет впереди. А пока приведу другие комментарии – из Интернета, под заголовком «Экстрим для младенцев. Родильные дома в России становятся зоной повышенного риска»:

Натали: «Показатели смертности в 11,6 в сегодняшней России приведены без учета требований ВОЗ, подсчитаны

по старой методике. С учетом требований ВОЗ (вес плода более 500 г) реальная смертность среди новорожденных составляет 19 младенцев на тысячу. Для сравнения в Беларуси – 5,3. На Кубе – 5,3 на тысячу. России было бы неплохо для начала довести этот показатель до уровня СССР – 9 на тысячу, а до Кубы и Беларуси – это в далекой перспективе, где-то к 2060 году».

Оля: «Для чего затевать эту бодягу с капитализмом, если по всем прогнозам Россия может приблизиться к СССР 1956 года не ранее 2025 года. По уровню медицины, образования, социальных гарантий, жилищного строительства не догонит СССР никогда».

Дик Чейни: «Зачем стремиться к СССР, это пройденный этап. Нет никакой необходимости строить большое количество жилья, обустраивать медицину или делать бесплатным образование, если это противоречит основной экономической концепции – переходу к сырьевому государству. В этой ситуации требуется не более 20–30 млн. человек, работающих в сырьевом секторе. Остальные – лишние люди, зачем о них заботиться. Надо повыше поднять цены, как на газ на 30 % с 2008 года, они сами вымрут...»

В детском саду распускаются розы...

В системе советского дошкольного воспитания главное место занимали ясли-сады. Отметим, что если в 1960 году их число в СССР было равно 43 569, то в 1970-м яслей-садов стало 83 100, а пять лет спустя – 99 392. Читаем в Большой советской энциклопедии:

«...С первых дней существования Советского государства началась организация детских садов (Д. с.) как массовых учреждений. За годы Советской власти организована широчайшая сеть Д. с. В Программе КПСС поставлена задача дальнейшего расширения сети дошкольных учреждений с тем, чтобы удовлетворить потребности трудящихся в общественном воспитании детей. Д. с. открываются местными Советами депутатов трудящихся, предприятиями, ведомствами, колхозами. С 1959 наряду с Д. с. организуются ясли-сады для детей с 2 месяцев до 7 лет. Работой всех дошкольных учреждений руководят министерства просвещения и их местные органы. На конец 1970 насчитывалось 83 100 Д. с. и яслей-садов, в которых воспитывалось 8099,7 тыс. детей.

Содержание воспитательной работы в Д. с. определяется государственной «Программой воспитания в детском саду».

Воспитание и обучение ведутся на родном языке детей. В Д. с. осуществляется физическое, умственное, нравственное, эстетическое и трудовое воспитание детей в соответствии с их возрастными особенностями. Детей объединяют в группы по 20–25 человек по возрастному принципу: младшая группа – дети 4-го года жизни, средняя группа – дети 5-го года, старшая группа – дети 6-го года, подготовительная группа к школе – дети 7-го года. Дети в Д. с. находятся 10 или 12 часов в день; для детей, родители которых работают по сменам или работа которых связана с отъездами, имеются интернатные Д. с., откуда детей берут домой только на выходные дни.

Уклад жизни детей в Д. с. организуется в рамках рационального режима и чередования игр, занятий, посильного труда и отдыха. Забота о здоровье и правильном физическом развитии детей – одна из важнейших задач Д. с. Ее решение обеспечивается правильным режимом дня, рациональным питанием, закаливанием детского организма, профилактическими мероприятиями, гимнастическими упражнениями, медицинским надзором. В режиме Д. с. много времени отводится разнообразным играм, в том числе дидактическим – на развитие речи, слуха, счета, на распознавание цвета, формы и т. д. (см. Игры детские). Торжественными и веселыми музыкально-художественными утренниками отмечаются революционные праздники и памятные даты.

На занятиях дети знакомятся с явлениями природы и общественной жизни, учатся рисованию, лепке, конструированию.

нию, пению, овладевают начатками грамоты и элементарными математическими представлениями. В процессе занятий у детей развиваются речь и мышление, постепенно формируются первоначальные навыки учебной деятельности: умение слушать и понимать объяснения воспитателя, действовать согласно его указаниям, доводить работу до конца. Детей приучают наблюдать природу, воспитывают любовь к ней, уважение к труду людей. Всей системой своей работы Д. с. готовит детей к школе...»

В БСЭ не говорится о том, что ясли-сады в СССР были двух типов: привилегированные и обычные. В первые ходили дети советской знати, во вторые – дети рядовых граждан. Естественно, элитных ясель-садов было значительно меньше, поскольку знать в СССР все-таки знала свое место – особо не выпячивалась и не шикавала. Может быть, именно это и злит сегодня детей этой самой знати, которые презрительно именуют СССР «совком». Упомянутый выше Андрей Макаревич из этих – «знатных». Родившийся в привилегированной московской семье (его папа был видным архитектором – одним из авторов памятника К. Маркса в Москве), он в наши дни превратился в яростного антисовка, который в своих мемуарах описывает собственное пребывание в детском саду в середине 50-х без какого-либо пиетета, а то и вовсе с отвращением. Хотя жилось малышне в этом детсадике очень даже неплохо, а то и вовсе зажиточно, учитывая, что каких-нибудь десять лет назад страна пережила самую страшную из

войн. Читаем у Макаревича:

«Мой детсад находился неподалеку от дома – прямо у Александровского сада, в доме, где в свое время проживала Инесса Арманд. Внутри были высокие сводчатые потолки, воспитательница Жанна Андреевна и неправильный запах. Пахло чем-то медицинским и очень недомашним. Этот запах и отчаяние оттого, что я должен слушаться весь день не маму и папу, а какую-то Жанну Андреевну, преследовали меня все полгода, пока меня туда водили...

Мама со своим сливочным маслом, няня с творогом в одной руке и будильником в другой – все это было ужасно. Но это все-таки был дом – с индивидуальным подходом (ко мне) и с человеческим началом. А тут я попал в советское учреждение, где все должны были быть как все. Прием пищи превратился во что-то вообще невообразимое.

Во-первых, пища была нехороша. Не в смысле, скажем, несвежести – она была приготовлена с большой нелюбовью к тем, кто ее должен был есть. Обязательной дозой рыбьего жира поливали второе (не давать же каждому с ложечки, в самом деле). От запаха рыбьего жира меня рвет до сих пор (согласимся с тем, что рыбий жир – это не самая приятная субстанция, но зато очень полезная, о чем антисовок Макаревич, естественно, не вспоминает. – *Ф. Р.*).

Со сливочным маслом поступали еще лучше – его клали каждому в стакан кофе с молоком или какао (странно, что не в чай), оно там таяло и плавало сверху прозрачной бе-

лой блямбой. Добраться до кофе, не хлебнув при этом масла, было невозможно. Вы хорошо представляете себе вкус этого продукта? Скоро я насобачился быстро, пока Жанна Андреевна отвернулась, вычерпывать масло ложкой и сливать под стол (ложку надо было незаметно оставить, когда убирали тарелки от супа).

С котлетами было сложнее. Сброс их под стол не проходил – за этим делом меня поймали, я был наказан, и после этого следили за мной пристально (насколько это было возможно в условиях одна воспитательница на двадцать детей). И тогда я придумал и отработал другую тактику. Я поддевал ненавистную котлету на вилку и резким движением отправлял ее в полет через голову – на шкаф, который стоял за моей спиной. Шкаф был очень высоким, и даже Жанна Андреевна не могла заглянуть на его крышу. Операция по метанию котлеты занимала доли секунды, и не промахнулся я ни разу.

Где-то через месяц в столовой запахло покойником, но долго еще работницы детсада не могли понять, в чем дело...

Все это не могло не закончиться. На шкафу обнаружили склад позеленевших котлет, меня вычислили, я был с позором изгнан из детского сада, и мучениям моим пришел конец...».

В отличие от Макаревича, автор этих строк ходил не в привилегированный, а в обыкновенный детский сад (мое месячное пребывание обходилось родителям в 15–20 рублей, в 70-е сумма выросла до 22 рублей 50 копеек) чуть позже –

в брежневские годы (1965–1967). Садик располагался в ста метрах от нашего дома – в том же Гороховском переулке, дом № 19. Нянечки у меня отродясь не было (как и у большинства советских детишек, родившихся в обычных семьях), поэтому будила меня по утрам мама, она же отводила в садик, после чего шла на работу, которая была по соседству. Садик, кстати, располагался в старинном особняке, построенном в 1885 году архитектором В. А. Гамбурцевым для местного богатея В. А. Лемана (в 1898 году особняк перестроил архитектор А. Э. Эрихсон). После Великого Октября 1917 года особняк перешел в руки советского государства и вскоре был приспособлен под детский сад. То есть, если раньше это здание было в частных руках и принадлежало всего лишь нескольким людям (Леману и его семье), то теперь оно стало достоянием государства и было отдано под нужды юных граждан первого в мире государства рабочих и крестьян. Увы, но после уничтожения СССР этот особняк снова был возвращен буржуинам – в 90-е он принадлежал демону ельцинской контрреволюции Борису Березовскому, а в наши дни в нем располагается некий бизнес-центр. Впрочем, вернуть его под детские нужды вряд ли удастся, даже если захотеть – детей в этом районе фактически не осталось. А в брежневские годы их был избыток – все окрестные дворы были ими переполнены. И за оградой бывшего лемановского особняка всегда был слышен детский смех, а не кладбищенская тишина, как теперь.

Но вернемся в брежневские годы и послушаем воспоминания очевидцев. Вот, к примеру, что пишет **В. Мальцева** на сайте «Ваш год рождения 1922–1991»:

«Основные расходы по организации детских садов в Советском Союзе и воспитанию в них детей покрывались государством. Социальные детские службы в СССР курировали руководство дошкольных детских учреждений – коими были местные органы народного образования и здравоохранения. Родители лишь частично (в размерах, устанавливаемых в зависимости от их заработной платы) оплачивали стоимость питания детей. Увы, в нашей стране, и теперь – пособия женщинам по уходу за ребенком крайне маленькие. Тогда же декретный отпуск после родов длился пару месяцев (56 дней. – *Ф. Р.*), а потом как хотите. Не все же отдавали своих новорожденных в 2 месяца в ясли. Видно, на мужей тогда ложилась основная ответственность. Не у всех мужья способны обеспечить достойную жизнь своим отпрыскам и женам. Но ясли – детские сады в Советском Союзе не только давали возможность «женщине-матери активно участвовать в производительном труде и общественной жизни». Это первое знакомство с социумом маленького советского человека.

Детские сады в СССР не были переполнены. Место в ближайшем к месту жительства детском саду всегда было. Так было в 1971 году, в Москве. Я не знаю, как сейчас выглядит внутри новый детский сад, но тогда мне казалось, что за кирпичными стенами, где линолеумные полы с коврами в

коридорах и в зале для музыкальных занятий, остается все самое интересное. Это была то ли ссылка, то ли работа. Но я с нетерпением дожидалась лета, чтобы уехать на все лето в Крым к бабушке. Может, мне просто не нравился цвет стен и линолеума – выцветшей морской волны.

Ясли – детские сады советского времени были разные. Наш, в целом неплохой садик, содержал ясельных младенцев всего лишь в стерильном отдельном блоке, кормил, поил и менял пеленки. Кому постарше сопли подтирал. «Ведомственный» садик одной из небезызвестных вездесущих организаций времен СССР заказывал для малышей грудное молоко у кормилиц (тогда такие еще имелись), мясо на рынке. Утренники для детишек от данного подразделения госслужбы проходили в Кремле или Колонном Доме союзов, это по воспоминаниям одного «мальчика» из 1977 года. Да и внешне садик был похож на Hotel Marcel Dassault, арт-галерею в Париже. Особняк в центре Москвы, где по соседству еще была известная спецшкола по изучению иностранных языков. В «**Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании**» (1973 год) говорилось: **«Важнейшие задачи детских дошкольных учреждений: обеспечение всестороннего, гармонического развития и коммунистического воспитания детей, охрана и укрепление их здоровья, подготовка к обучению в школе».**

В 1971 году трехлетних детей, которые только недавно на-

чали складно говорить, учили заучивать стихи про дедушку Ленина, рисовать космические ракеты и танки, лепить Чебурашку из пластилина, петь «Катюшу» и танцевать на детских праздниках польку в сшитых мамами костюмах. В школу ребенок шел с 7 лет и был хорошо подготовлен. Многие даже умели читать...»

Вот еще один комментарий на эту же тему (про ясли-сады), найденный мною на просторах «всемирной паутины»:

«В СССР больничный, предоставляемый женщине после рождения ребенка, заканчивался как раз по достижении им двухмесячного возраста. Матери, соответственно, пора было выходить на работу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, многие всеми силами старались как можно дольше отсрочить отправку своего крошечного чада в ясли: родители поочередно оформляли отпуска и сидели с младенцем, сдавали ребенка на попечение бабушкам и дедушкам... Но в полгода большинство советских детей уже обретались в казенном учреждении.

Судя по комментариям в блогах, нынешним российским мамам такое положение дел кажется звериным оскалом капитализма, вынуждающего несчастную женщину отрывать дитя от груди и идти на поклон к золотому тельцу. Хотя, как известно, оскалился капитализм в России много позже – и тем не менее, по срокам сдачи детей в ясли сейчас ситуация отнюдь не такая жесткая, как была в СССР. Да ради бога, мамы, можете холить и лелеять своих отпрысков

хоть до школьной скамьи. В детское дошкольное учреждение берут только полуторагодовалых (по достижении ребенком этого возраста заканчивается выплата пособия), а на практике, учитывая пресловутую очередь, повезет, если удастся пристроить двухлетку. При этом про размер пособия и источники дохода в течение временного промежутка между окончанием выплат и возвращением на работу после отправки дитя в садик лучше вообще речь не заводить – грустно до отчаяния.

«Может, ясли все-таки не такое уж и зло, а для некоторых – хороший выход: родила, больничный отсидела, потом ребенка в ясли, сама на работу? Понятно, что от хорошей жизни так никто не сделает. Но это выход, пусть и не самый элегантный», – пишет автор блога «Мемуары будущей све-крови».

Вопреки подозрениям скандализованных комментаторов, советские ясли не представляли собой подобие «обезьянника» с металлическими игрушками, прибитыми к полу. Был большой манеж с деревянными бортиками, где под присмотром нянечек в меру своего темперамента и прочих свойств личности резвились малолетние граждане Советского Союза. Утром родители сдавали свое чадо в ясли в своей, «домашней» одежде, потом следовало переодевание в казенное бельишко, а по окончании дня – обратный процесс. То есть, получается, частично решалась весьма актуальная для советского быта стирка пеленок (памперсов ведь тогда еще и в по-

мине не было)...»

А вот другие отзывы на эту же тему:

LubovS: «Чем вам запомнилось советское детсадовское детство? Я, к большому своему сожалению, в садике была всего год. В конце 60-х в нашем маленьком городке катастрофически не хватало мест в детских садах. Мне повезло, лишь когда исполнилось 6 лет: взяли в так называемую смешанную группу. В ней были дети разного возраста. Уже не помню, сколько нас было в этой группе. Но хорошо помню атмосферу дружбы. Не было никаких ссор между младшими и старшими. Скорее всего, в этом заслуга воспитателей, которые учили старших помогать и заботиться о младших (эх, сейчас бы такое воспитание!!!).

А помните, чем кормили в садике? Моими самыми нелюбимыми блюдами были творожная запеканка и томатный сок. Теперь вот не понимаю, как такую вкуснятину можно было не любить! А самое теплое воспоминание: занятия по рисованию. Мы тогда понятия не имели, что такое фломастеры. У нас были наборы деревянных цветных карандашей. В процессе рисования часто менялись карандашами, чтобы сделать траву или солнышко или еще что-то нужного оттенка.

На прогулку выходили на площадку. В песочнице стоял большой деревянный гриб и скамейки вокруг него. Столько было разных игр, что не успевали все переиграть.

Помню утренники под аккомпанемент пианино. И свое

первое платьице «снежинки» – полный восторг!

Теперь понимаю, что вот этими теплыми воспоминаниями обязана своим воспитательницам, с которыми мне очень повезло».

annamarta: «Я детсадовское детство помню отрывочно, но отрывки очень яркие. Ходила в садик все дошкольное детство, которое пришлось на 70-е годы. Мы еще и на дачу с садиком выезжали – куда-то на Николину Гору под Москвой, жили там почти все лето (сейчас понять не могу – а как же воспитательницы в отпуск ходили, при такой-то нагрузке?) До сих пор, когда проезжаю по Москве мимо своего детсадика, такая ностальгия появляется... Занятия на казавшемся таинственным приборе «фланелеграф», обучение письму печатными буквами, поделки из шишек и веточек... Занятий по рисованию я почти не помню (честно говоря, к рисованию равнодушна, да и способностей не было), а вот музыкальные занятия вспоминаются очень хорошо – мы либо учили песни («Бескозырка белая, в полоску воротник...», «Сегодня мамин праздник, сегодня женский день...»), либо нам давали металлофоны – и вся группа старательно играла «Во саду ли, в огороде»... Садику я благодарна еще и за то, что там впервые взяла иголку в руки и сделала первые стежки (сейчас с удовольствием шью-вяжу-вышиваю), сшитая мною тогда игольница до сих пор лежит где-то в бабушкиной квартире.

Не помню томатного сока (хотя вряд ли нас поили одним

компотом), но вот геркулесовую кашу терпеть не могу еще с детсадовских времен! А ее, как назло, давали на завтрак именно в дни праздников-утренников! (Эту «фишку» я быстро просекла и стала просить родителей в дни праздников приводить меня в садик уже после завтрака...) А на полдник часто давали зефир – и таким наслаждением было съесть его, предварительно отделив одну половинку зефирины от другой...»

Владян: «Лепка еще была. Как сейчас помню: все старательно лепят одну уточку, а у меня их уже штук десять. А из еды помню вареное яйцо, морскую капусту (жил на Дальнем Востоке) и половину вечно зеленого помидора. А после приема пищи по очереди несли посуду в мойку и орали разбирая по слогам «СПА-СИ-БО!»»

Димон: «А мы во время тихого сна, как только уходили воспитатели, начинали кидаться деревянными кубиками! Это было дикое счастье!..»

гуроро: «А я отказывался спать в обед. Когда все ворочались на своих скрипучих кроватках в спальней, я лазил среди игрушек один, но зато нужно было все аккуратно сложить. Абсолютно без шуток, когда было время нас забирать домой, пришел старший брат за Славиком, он стал из-за сетки-рабицы кричать «Слава», на что я стал орать, роясь в песке: «...советскому труду». Так повторилось несколько раз, и брат стал звать «Славик». Ну я и заткнулся».

06061966: «Помню, когда хоронили Брежнева (12 нояб-

ря 1982-го.. – Ф. Р.), смотрели церемонию по телевизору в садике, всей группой, с воспитателями, причем многие дети плакали. От такая жесть...»

Татьяна Павлюк: «Детский сад в небольшом шахтерском поселке Донбасса и его воспитателей вспоминаю до сих пор... Приезжала в 1987 году, дочку водила, показывала детсад. Вспоминаются чудесные праздники, девочки-снежинки, мальчики-зайчики (на сегодняшний день здесь особых сценарных изменений не произошло). Платья из подкрахмаленной марли, корона на голове из картона, обшитого ватой, на которую на клейстер наносились битые игрушки. И подлинное ощущение праздника... На занятиях – лепка, поделки из природного материала, рисование, с которым у меня были проблемы, и вышивание. У каждого в коробке из-под конфет хранились несколько кусочков белой ткани, нитки-мулине, иголка. У меня отец работал за рубежом, и коробочка у меня была жестяная, из-под английского ириса, и была предметом всеобщей зависти. Детские стихи, которые я рассказывала своим детям, а теперь племяннику, я помню еще с детского сада. И фотографии берегу. А еще в обед давали по столовой ложке рыбьего жира в месяцы, где есть буква «р» – сентябрь, ноябрь. Говорили, что в эти месяцы он очень необходим организму...»

Людмила: «Садик, как и школу, я не любила. Домой хотелось. Чем кормили даже не помню, честно говоря... Но строем ходить – это не для меня, по-видимому... На всю

жизнь запомнились ужасные моменты, когда ложились спать и воспитательница какая то ходила между кроватями и смотрела. чтобы все спали на боку, положив ладошки под щеку. Если не так лежишь, да не спишь еще, то заставляли вот так ложиться. Для меня это было жутко неудобно и было пыткой. Помню, однажды. когда шли с прогулки спать, то у меня текли слезы, и, когда спросил кто то из детей, почему я плачу, ответила, что хочу домой, хотя это было не совсем правда. Так как плакала я от кошмара, который мне предстояло выдержать...»

Михаил: «У меня из детсадовских воспоминаний – это когда воспитательница, рассадив нас за столики, читала нам книжку «Приключения Буратино». Читала так захватывающе, что мы, мелюзга, сидели тихо, раскрыв рты. Еще в нашем садике на улице был бассейн, в него набирали теплую воду и запускали нас – радости не было предела. В воспоминаниях еще почему-то врезалось в память – темень за окном и потоки воды по стеклу, сильные вспышки молнии и отражение в этих вспышках потоков воды на потолке детсадовской спальни (год примерно 67-68-й). Сейчас мой бывший детсад стоит брошенный, без окон и дверей, предприятие, которому он принадлежал, обанкротилось в середине 90-х и перестало существовать...»

Ботаник: «Детский сад в СССР... Папа подвозит на саночках. Там ожидает воспитательница, спрашивает: «Ел ли чего с утра?», «Как себя чувствуешь?» и т. д. Записывает.

Осматривает на предмет личной гигиены и симптомов заболеваний. Утро дурачимся, играем. Завтрак. Кушаем непременно подгоревшие кулинарные «поделки» местных поварих. Играем, перевариваем съеденное. Обед. Давимся суровой детсадовской пищей или, что реже, едим с некоторым энтузиазмом. Потом – «сончас». Спать, конечно, никто не желает. Просыпаемся, значит, – на «музыку». Там такая «толстопопая» тетя, играющая на пианино и поющая громче всех детей в группе: «Пусть всегда будет солнце...». Далее – к стоматологу. Не дай бог каждому. Обязательные атрибуты – плач детей всей группы, жужжание «устрицы» (знаменитая советская бор-машина УС-30) и отвратительный запах стоматологического кабинета. Опционально, вместо планового лечения зубов – плановые процедуры в мед. кабинете. Забор крови, соскобы, вакцинации и другие «ужасные» процедуры. После всех этих мероприятий – полдник. Совсем после – лепим, собираем, вырезаем, клеим, бегаем, прыгаем. Потом идем гулять. Летом – возимся в песочнице, зимой – лепим снеговиков. По возвращении в группу ужин. И... ждем своих пап и мам. Ждем с нетерпением. Боимся, что не придут. Вдруг. И вот тебя, лепящего не весть какого зверя из пластилина окликает знакомый голос, и ты бежишь к раздевалке. День окончен».

Владимир: «В детском садике я был самый буйный, и меня на тихом часе привязывали к кровати при помощи скотча, а когда я пару раз его просто перегрыз, начали запирать

в туалете. Но и там я находил себе забаву – начинал спускать воду во все три унитаза по очереди и доводил нудную воспитательницу до белого каления. А сколько раз по этому поводу вызывали маму к заведующей и говорили ей, что я редкостный раздолбай (отхватывал я после этого знатно)...»

Татьяна: «Садик – прекрасная пора, равно как и моя школа. Хорошие любящие воспитатели, помню говорящую картошку, некоторые дети слышали, как она говорит, а я нет. Самое нелюбимое блюдо было макароны с молоком, никогда его не ела, и суп с клецками, а сейчас, наверное, многое бы отдала, чтобы его отведать. Праздники, на которых мне часто доставалась главная роль – Солнышка, когда все лучики или снегурочки. Вспоминаю все это, как добрую сказку!..»

Александр: «Воспоминания о детском саде – одно из самых жутких воспоминаний. Я «оттрубил», что называется, «от звонка до звонка» – с яслей и до школы. Больше всего ненавидел так называемый «дневной сон» – я никогда не спал, но приходилось лежать с закрытыми глазами, чтобы воспитательница не подумала, что я не сплю: все дети должны были спать. Причем спать в строго определенной позе, которая была разной у разных воспитательниц. Все дети были обязаны играть в «цепи кованые» и «ручеек»: тех, кто не хотел играть, воспитательница заставляла. За малейшую провинность ставили в угол, выйти из которого можно было только сказав магическую фразу «Галина Дмитривна, я больше так не бу-у-у-дууу...». Кто не говорил, тот стоял до

обеда (если провинился утром) или до прихода родителей (если был поставлен в угол после тихого часа).

Еда – это особая статья: почти все, что давали в саду, я ненавидел, но мы были обязаны все это съесть. Приходилось давиться омерзительными рассольниками, перловкой, творожной и морковной запеканками и запивать все это тошнотворным компотом из сухофруктов...»

Vika: «А у нас была чудесная воспитательница Ирина Владимировна. И пошалить нам разрешала, и в то же время палку перегибать не давала. Спать я тоже днем не любила, но если не спишь, то не наказывали. Мы ж не виноваты, что заснуть не можем. Воспитательница как-то подошла и говорит: а попробуй вот так лечь и подумать о том-то, чтобы не мешать, пока другие спят. Я улеглась, задумалась и... заснула. Даже потом вставать не хотелось. Изредка меня днем забирал папа, когда раньше освобождался из института. Приходит он как-то раз во время тихого часа, а моя кровать как раз напротив двери стояла. Однажды гляжу в открытую дверь и вижу, как папа тихонечко так из коридора в комнату крадется. Увидел меня и подмигивает, давай, мол, одевайся. И я одеваюсь, а все вокруг мне завидуют, что меня прямо с тихого часа забирают. Выхожу я в коридор, а папа мне из кармана кучу надувных шариков вываливает. Он, оказывается, по дороге зашел в игровые автоматы. И кто из нас ребенок?..

И еще почему-то запомнилось голубое радио на стене, по которому передавали бой курантов. И было это как раз в

обед. И поэтому и Кремль, и куранты у меня прочно ассоциируются с красным борщом. И хотя куранты били далеко в Москве, а я за сотни километров от них ела обед из столовой киевского садика, во мне постоянно было это ощущение, что мы все в этой стране неразрывно связаны, а я есть частью чего-то огромного и стабильного. И что игрушки, и воспитательница, и даже куранты – все неможечко мои. И что все хорошо. И будет еще лучше...»

Здравствуй, школа!

Напомним, что в стране, где до Октябрьской революции 1917 года более двух третей населения не умели читать, неграмотность была практически ликвидирована к 30-м в ходе нескольких массовых кампаний. В итоге уже к 1966 году (второму году правления Л. И. Брежнева) 80,3 млн. человек, или 34 % населения, имели среднее специальное, незаконченное или законченное высшее образование. Если в 1914-м в России обучалось 10,5 млн. человек, то в 1967, когда было введено **всеобщее обязательное среднее образование**, – 73,6 млн.

До конца 50-х ежегодно росло количество новых общеобразовательных школ всех видов (начальные, неполные, средние, вечерние). Затем их число стало постепенно сокращаться (в основном за счет закрытия неполных школ). В цифрах это выглядело следующим образом: в 1960/1961 годах в СССР насчитывалось 224 400 школ, в 1970/1971 – 190 300, в 1975/1976 – 167 000. Численность учащихся равнялась в 1960/1961 годах 36 млн. 200 тысяч, в 1970/1971 – 49 млн. 400 тысяч, в 1975/1976 – 48 млн. 800 тысяч.

И снова заглянем в БСЭ: «В 50-е гг. получили развитие школы-интернаты. В 1958 Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», на

основе которого вместо всеобщего обязательного 7-летнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование, завершённое повсеместно в 1962 году. Значительно расширилась сеть школ, дающих молодежи среднее образование без отрыва от производства...

В соответствии с Уставом средней общеобразовательной школы (1970) в зависимости от местных условий создаются отдельно начальные школы в составе 1—3-х классов, 8-летние школы в составе 1—8-х классов и средние школы в составе 1—10(11) – х классов, при сохранении единства и преемственности всех ступеней общего среднего образования. Срок обучения в средних школах 10 лет; в школах Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР продолжительность обучения составляет 11 лет.

Сеть общеобразовательных школ включает также средние школы с производственным обучением, средние школы с углубленным изучением отдельных предметов, школы-интернаты, средние общеобразовательные школы работающей молодежи, школы для обучения детей с физическими и умственными недостатками, специальные школы...

Общеобразовательные школы с продленным днем имеют целью дальнейшее развитие общественного воспитания учащихся. Это перспективный путь совершенствования системы общего среднего образования. В 1975/1976 уч. г. в школах и группах с продленным днем находилось 7,3 млн. учащихся.

Школы-интернаты обеспечивают благоприятные условия для всестороннего развития учащихся из семей, не имеющих необходимых условий для воспитания детей. В 1975/1976 уч. г. в 2,2 тыс. школ-интернатов обучалось и воспитывалось 777,6 тыс. чел. Для детей, лишившихся родителей и попечения, создана сеть детских домов...

Учебный год во всех общеобразовательных школах страны начинается 1 сентября и заканчивается в 1—7-х классах 30 мая, в 8-х классах 10 июня, в 9—10(11) – х классах 25 июня. Учебный год делится на учебные четверти: 1-я – с 1 сентября по 4 ноября, 2-я – с 10 ноября по 29 декабря, 3-я – с 11 января по 23 марта, 4-я – с 1 апреля до конца учебного года. Соответственно устанавливаются и каникулы (осенние, зимние, весенние и летние).

В типовом учебном плане школы допускается следующее максимальное количество обязательных учебных часов в неделю: в 1—4-х классах— 24 ч, в 5—8-х классах — 30 ч и для 9—10 (11) – х классов —32 ч. В 10-летних школах с нерусским языком обучения допускается увеличение недельной учебной нагрузки на 2–3 ч.

Основная форма организации учебно-воспитательной работы в школе – урок продолжительностью в 45 мин. В процессе обучения и воспитания применяются разнообразные виды самостоятельной работы школьников, лабораторно-практические занятия, экскурсии, труд в мастерских, на учебно-опытном участке, в ученической производственной

бригаде, а также производственная практика на предприятиях, в колхозах и т. д.

Знания учащихся по большинству учебных предметов определяются по 5-балльной системе, а поведение оценивается как «примерное», «удовлетворительное» и «неудовлетворительное». В 8-х и 10(11) – х классах устанавливаются обязательные выпускные экзамены. В отдельных союзных республиках в среднем и старшем концентраторах школы введены переводные экзамены из класса в класс. Лица, окончившие 8 классов, получают свидетельство о 8-летнем образовании, дающее право на поступление в 9-й класс общеобразовательных школ, в средние специальные и профессионально-технические учебные заведения; окончившим среднюю школу выдается аттестат о среднем образовании. Учащиеся школ, достигшие значительных успехов по всем учебным предметам и активно участвующие в общественной жизни школы, награждаются похвальными листами; учащиеся, достигшие особых успехов по отдельным предметам – похвальной грамотой «За особые успехи в изучении отдельных предметов»; особо отличившиеся выпускники средней школы – золотой медалью «За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение»...

Постоянно укрепляется учебно-материальная база школ. За 1918–1970 за счет государственных и кооперативных предприятий и организаций (без колхозов) введены в действие почти 98 тыс. школ на 31,7 млн. ученических мест.

Колхозы страны только за 1946–1970 построили 59 тыс. общеобразовательных школ на 8 млн. ученических мест. За годы 9-й пятилетки вошло в строй еще более 16 тыс. новых школ, в том числе около 13 тыс. в сельской местности. В каждой союзной и автономной республике издается необходимое количество учебников и учебных пособий. Ежегодно издается на языках народов СССР свыше 2 тыс. наименований школьных учебников тиражом свыше 300 млн. экз. В библиотеках средних школ созданы фонды учебной и методической литературы, достигшие почти 100 млн. экземпляров...»

Лично я отправился в школу 1 сентября 1969 года. Прекрасно помню этот день, а вернее, ночь перед ним, поскольку постоянно просыпался – боялся проспать столь знаменательное событие. Наконец, этот счастливый миг настал – родители повели меня в школу, которая находилась в пяти минутах ходьбы от нашего дома № 29 на улице Казакова – в Гороховский переулок, дом № 10. Школа эта одна из старейших в Москве – № 325. Она была открыта в самом конце ноября 1881 года как женская гимназия Веры Николаевны фон Дервиз (супруга железнодорожного промышленника Павла Григорьевича фон Дервиза). В ней в разные годы учились такие известные люди, как поэтесса Марина Цветаева, актриса Рина Зеленая (обе – до революции), спортивный комментатор Николай Озеров (в 20-е-30-е годы).

После 1917 года бывшая женская гимназия была преоб-

разована в общеобразовательную школу № 12 Бауманского отдела народного образования для совместного обучения мальчиков и девочек. А в августе 1936 года школе был присвоен другой номер – 325-й.

Когда я пришел учиться в эту школу, директором в ней был учитель физики Бенцион Львович Кипербанд (он руководил школой с 1946 по 1972 годы). А моей первой учительницей была Мария Афанасьевна Красина, которая провела с нашим классом три года.

Школьная реформа-1969

Отмечу, что именно в 1969 году в СССР состоялась большая школьная реформа, в результате которой появились новшества. Так, классные руководители начальных классов заботились о младшеклассниках три года, а не четыре, как раньше. Кроме этого, детей стали принимать в школу с семи лет, хотя до этого родители могли отдать своего ребенка и в восемь лет. Появился и новый букварь. Прежний был с кофейной обложкой, на которой была изображена группа школьников в форме старого образца: мышинового цвета костюм, ремень с пряжкой, фуражка с козырьком. На новом учебнике, с синим переплетом, большими цветными буквами написано: «БУКВАРЬ». Если все прежние буквари печатались в СССР, то новый уже за его пределами – в Германской Демократической Республике.

Какие предметы были в первом классе тех лет? «Чтение», «Математика» (учебник с клоуном и кольцами на обложке), «Родная литература», «Русский язык в картинках».

Изменились в 1969 году и правила чистописания. Если раньше школьников учили писать чернильной ручкой и, выводя букву, они должны были соблюдать такие требования: линия вверх – тонкая, а вниз – немного толще, «с нажимом», то по правилам новой каллиграфии все линии должны были быть одинаковые. Писать можно было упрощенными буквами, без «завитушек» и «точек-засечек», не отрывая пера. Таким образом, почерк, существовавший полтора века (!), – с гоголевских времен – отошел в прошлое.

Перьевые ручки

Парты у нас были деревянные, еще довоенные, с откидывающимися краями. Посередине парты было отверстие для чернильницы-«непроливайки», а писали мы деревянными ручками, в которые вставлялись перья. Кстати, в 1969 году были отменены специальные тетради по чистописанию, в которых первокласснику «ставили руку», иной раз доводя буквально до слез. Отныне с первого класса разрешалось писать и автоматическими ручками, а чуть позже и шариковыми (35 копеек за штуку). Однако, насколько я помню, автоматические чернильные ручки появились у нас чуть позже, что, кстати, создало новые проблемы – если ручка протека-

ла, то пятна от чернил проступали на школьной форме, поскольку лично я иногда носил ручку не в портфеле, а в кармане школьного пиджака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.